

Тоша Маланов

Рукопись

рассказ

Олег Васильевич Дубов запустил пятерню в волосы и принялся яростно, с хрустом, чесать голову. Это у него, как он сам говорил, «нервное». Завидев скребущегося шефа, подчинённые понимали: главред распахивался не на шутку! Если честно, зрелище было то ещё: большие очки в старомодной оправе сползли на нос, лицо становилось болезненно-сосредоточенным, жёсткие волосы топорщились в разные стороны, как прутья метлы.

Но начальникам, как маленьким детям или тяжело больным, прощают многое. Почти всё. Поэтому Дубов скрёбся – сотрудники терпели. Тем более в целом мужик он был отличный. Не щемил, не унижал, не орал, не воровал. В самые лихие годы не оставлял свою команду без зарплаты, ибо умел ладить с местной администрацией, умудрялся

находить рекламу и подписчиков, удерживая журнал на плаву.

В этот раз Олег Васильевич расчесал свою многострадальную голову чуть не до крови, но никакого выхода из создавшейся ситуации так и не выцарапал. Угроздило этого чудака Неторопкина притащить свою дурацкую рукопись именно в «Лиру»!

Хотя куда ещё он мог её отнести? В их областном городе имелся всего один литературный журнал, который выходил каждый квартал. И, уж конечно, рукопись была какой угодно, только не дурацкой. Самым точным определением стало бы: «гениальная». Дубов понял это, едва перевернув первую страницу. В рассказе под названием «Птичья стая» было всё: крепкий сюжет, который цеплял с первых строк, чеховская ясность и простота изложения, мягкий юмор, ювелирно выписанные образы, интересная и ненавязчивая подача.

За долгие годы, что Дубов возглавлял журнал, да и раньше, когда работал здесь же ответственным секретарём, ему не довелось встретить ни одного автора, которого можно было назвать хотя бы перспективным. Таланты почему-то не произрастали на скудной уездной почве. Хотя, скорее всего, процент одарённости был вполне нормальным, просто, почувствовав в себе божью искру, разжигать из неё пламя начинающие писатели стремились в столице. Кому нужна провинциальная известность?

А вот Неторопкину зачем-то оказалась нужна. Когда утром он возник на пороге редакторского кабинета, Дубов и вообразить не мог, чем обернётся этот визит. Чего можно было ожидать от малохольного, чёрт-те как одетого субъекта с перепуганными глазами и детской привычкой краснеть по любому поводу? Говорил Неторопкин, пришепётывая, поминутно откашливаясь и, видимо, от волнения, к месту и не к месту вставлял «прошу прощения».

Главред привык к постоянным авторам, творения которых из номера в номер украшали страницы «Лиры». На-

пример, поэтесса Дарина Барская (в миру Даша Бабушкина) каждый раз представляла длиннющие вязкие, тягучие, совершенно бессмысленные стихи, которые обожала читать нараспев, с подвыванием. Дубов давно отчаялся найти крупицу здравого смысла или настоящую, живую эмоцию в беспорядочном потоке сравнений, эпитетов, гипербола, метафор, метонимий и оксюморонов, которые щедро и без разбору выливали на читателей Бабушкина.

Олег Васильевич уже много лет не читал её стихов, автоматически утверждая их в номер. Просто прикидывал, как они встанут на журнальную полосу. Вот уж кто точно читал Барскую, так это корректор Лидия Борисовна, сухая, строгая и чрезвычайно грамотная дама, не пропускавшая ни одной, как она выражалась, «блохи» в рукописях. Но у той-то не было иного выхода: работа такая.

Лидия Борисовна читала, мужественно продиралась сквозь корявые тексты, ожесточённо правила их и тихо ненавидела и Дашу Бабушкину, и баснописца Аристарха Морозова, которому не давали покоя лавры Ивана Андреевича Крылова, и весельчака-фельетониста Пчёлкина, чьи тяжеловесные опусы не вызывали и намёка на улыбку, и новеллиста Архипа Эла. Последний был мрачным типом, поклонником литературы модернизма. Верхом литературного совершенства Эл считал «Улисса» Джеймса Джойса и «Замок» Франца Кафки, и стремился создать нечто подобное. Пока, на счастье редактора и корректора, бог миловал. Им вполне хватало разжижающих мозги порождений поэтессы Дарины Барской.

Но особую лютость вызывал у Лидии Борисовны прозаик Влад Струйников – директор местной школы Владимир Петрович Стручков. К сожалению, он был чрезвычайно работоспособен и плодовит: строгал романы, повести и рассказы в невероятных, диких количествах. Там неизменно присутствовали мозолистые руки пахаря, крестьянский пот, мудрый прищур сельского учителя, за-

ливающиеся румянцем девичьи щёки, золотые колосья пшеницы, пьянящий дух родимой стороны, лучистая улыбка матери и прочие штампы, которые дружно кочевали из шедевра в шедевр. Как Стручкову самому не надоедает, поражался Дубов. Разнообразием сюжетов прозаик тоже не баловал. Ознакомился с одним творением – считай, прочёл их все.

Но корректору эта истина не извещала от необходимости детально изучать каждый опус. Поэтому, исключительно из человеколюбия (должны же быть просветы в работе несчастной Лидии Борисовны!) Дубов ввёл в журнале рубрику «Золотое перо», где публиковались стихи и проза классиков русской и зарубежной литературы. Корректор же, вместо благодарности, всякий раз норовила отловить главреда в коридоре и намекнуть, что рубрику не мешало бы сделать более масштабной. А ещё лучше – отдать ей процентов девяносто всей печатной площади. Вот люди: дашь мизинец – норовят руку по локоть откусить!

Ещё одной бедой журнала была рубрика «Юные таланты». К сожалению, в этом словосочетании соответствовала истине только первая его часть. А одарённость у новоявленных писателей и поэтов была приблизительно столь же слабо обозначенная, как и у старших коллег. Только уверенности в собственной уникальности больше. Что вы хотите, юношеский максимализм, ненабитые шишки!..

Главред от всех них устал. Ему были давно и глубоко безразличны творческие метания и находки местных Гоголей и Пушкиных. Он принимал их литературные труды как неизбежное зло. Издаются на автомате – и ладно. Сам Дубов, хотя и журналист по образованию, писать никогда не пытался: точно знал, что ничего путного из этого не выйдет. Вот о чём он действительно поначалу мечтал, так это о том, что однажды откроет новую литературную звезду, которая увековечит и «Лиру», и её скромного редактора.

С годами грезить перестал. Но, глянув на рукопись Неторопкина, сразу понял, что мечты и вправду порой сбываются. Пусть главред был бездарен как писатель, зато исключительно талантлив как читатель.

Гений Неторопкин мялся, краснел, шепелявил что-то из глубины подавленного кресла, а в голове Дубова стучало только одно: нашёл! Перефразируя Маяковского, перелопатив миллионы тонн словесной... ну, пусть будет руды, он докопался-таки до золотого слитка. Откуда ему было знать, какой проблемой это обернется!..

– Послушайте, дорогой!..

– Михаил Геннадьевич, – робко подсказал автор и судорожно слотнул. Чувствуется, приготовился к самому худшему. В отличие от остальных творцов «Лиры», Неторопкин в свою одарённость не верил.

– Михаил Геннадьевич, – ласково согласился Дубов. – Рукопись я заберу. Мне нужно внимательно прочесть её, чтобы принять решение о возможности публикации. Я ведь сейчас только бегло просмотрел ваш текст. А вы ко мне загляните вечерком, договорились?

На самом деле решение нужно было принять совершенно иное. Недотёпа Неторопкин принес рукопись, когда очередной номер был уже свёрстан. На страницах макета плотным частоколом выстроились отрывки из романов, повести, фельетоны, басни, стихи и поэмы. «Птичьей стае» места не было.

В журнале шестьдесят восемь страниц, не считая глянцевого обложки. Увеличить их количество невозможно по финансовым причинам. В принципе, эта мысль никогда Дубову и в голову не приходила. Реши он это сделать сейчас, пришлось бы добавить примерно пять разворотов, то есть страниц десять. Рассказ у Неторопкина немаленький. А кто за это заплатит? Правильно, желающих нет. Значит, придётся кого-то потеснить.

Пока Неторопкин, пятясь и запинаясь, выкатывался из кабинета, Олег Васильевич судорожно соображал, кого

бы подвинуть. Однако спустя два часа понял, что не может выкинуть никого! Как такое возможно?! А вот так! В этом и заключалась трагедия.

Как назло, главной темой номера был пятидесятилетний юбилей Дарины Барской. Ох, и дала Олегу Васильевичу жизни именинница, будь она неладна! Вспомнишь – вздрогнешь.

Поначалу поэтесса одолевала его идеей посвятить её бессмертным творениям весь номер. В итоге сторговались на пяти разворотах плюс фотография на обложке, плюс большое интервью. Кстати, интервью, написанное журналистом местной газеты Рябовым, было, по мнению Дубова, куда более живым и интересным, чем всё творчество поэтессы, вместе взятое. Парень своё дело знал, и по прочтении статьи у несведущих людей могло сложиться представление о Даше Бабушкиной, как о многогранной натуре, остроумном позитивном человеке и яркой творческой личности.

Таким образом, предприимчивая поэтесса вырвала у журнала целых четырнадцать страниц! Со словом редактора и оглавлением, это уже почти четверть номера! Даже от «Золотого пера» пришлось отказаться. Лидия Борисовна ещё не знает, бедняжка. Получается, Даша Бабушкина всухую обставила Александра Блока: именно его главред в этот раз планировал в рубрику!

Дубов свирепо покосился на фотографию Дарины Барской, которая красовалась на макете обложки. Пятьдесят лет тётке, а никак не возьмёт в толк, что эти букольки, кудельки да кудряшки делают её похожей на престарелую болонку в очках.

Идём дальше. Вслед за Бабушкиной на двенадцати страницах расположился Влад Струйников. Этого точно не сдвинешь ни на сантиметр, иначе начнётся такая война, что запросто можно лишиться кресла. К тому же беда в том, что редакция располагается в симпатичном здании школьного флигеля, и за аренду директор школы берёт плату чисто символическую, почти неощутимую.

Обеспечивая себе тем самым постоянную прописку на печатных полосах.

Вдобавок в прошлом году Владимир Петрович возглавил местное литературное сообщество, и теперь в журнале появилась его постоянная авторская рубрика «Служители музыки». Ага, музыка только и мечтает о таких служителях... Тем не менее, будь любезен, выдели разворот!

Главред сердито крикнул, подошёл к окну, распахнул форточку. Сразу потянуло холодом: морозы стояли нешуточные. Дубов прошёлся по кабинету: в движении ему всегда думалось лучше. Однако сегодня проверенный способ не помог, спасительная мысль не осенила. Олег Васильевич постоял пару минут возле окна, с наслаждением вдыхая свежий студёный воздух, потом вспомнил о недолеченной простуде, захлопнул форточку и снова сел за стол.

Пошуршал бумагами, разглядывая макет. Так, что тут у нас дальше по списку? В рубрике «Юные таланты» засветилась дочь главы администрации. Здесь всё ясно, можно не комментировать. Потом идёт рекламный блок. Его, разумеется, тоже не тронешь. И под занавес – фельетонист и баснописец с модернистом.

Но Архип Эл однозначно неприкасаемый. У него (как у всякого уважающего себя модерниста!) какие-то нелады с психикой. Чуть что не по нему – сразу бежит резать вены или вешаться. Однажды Олег Васильевич отважился отказать ему, и с тех пор предпочитал не рисковать. Говорят, жена пятый год не может решиться подать на развод, не хочет грех на душу брать. В итоге у психически неуравновешенного новеллиста крепкий брак и неплохие гонорары за регулярные публикации.

Пчёлкин на этот раз сработал под заказ. Не так давно за взятки сняли с должности главврача местной больницы, и именитый сатирик накопал лёгкий по стилю, острый и хлесткий (по личному убеждению самого автора) текст. Читать эту муть невозможно, но кто наберётся смелости объяснить ше-

стидесятилетнему уважаемому писателю, члену Союза, что в искромётном фельетоне никак не может быть такого жуткого количества громоздких причастных и деепричастных оборотов?!

Ладно, бог с ним, с Пчёлкиным. Остаётся баснописец Аристарх Морозов. Вот его можно подвинуть без страха и сомнений, но это уже ничего не изменит. Басни скромно расположились на полутора разворотах. А нужно не меньше пяти...

Рабочий день закончился. В крошечной приёмной стала красноречиво покашливать секретарша Лариса. Дубов раздражённо крикнул, что она свободна, а он пока поработает. Но только работай не работай, выкраивай, гадай, чеши голову, наматывай круги по кабинету, вздыхай – а по всему выходит, что Неторопкину в этот номер не попасть.

Олег Васильевич вконец расстроился. Пока думал, что сказать автору, пока подбирал слова, Неторопкин объявился сам, откашлялся и на одном дыхании выдал заранее заготовленную фразу:

– Добрый вечер! Я пришёл, как вы велели. Что с моей рукописью? – и своё всегдашнее «прошу прощения!» в конце не забыл присовокупить.

Отмучался, затаил дыхание – ждёт. Теперь дело за Дубовым. Но он-то, в отличие от Неторопкина, подготовиться к разговору не успел! И поэтому сходу сказал правду:

– Порадовать вас нечем. Да вы присаживайтесь! Послушайте...

– Михаил Геннадьевич, – обречённо подсказал Неторопкин.

– Михаил Геннадьевич, – кисло повторил Дубов, – мы не сможем поставить ваш рассказ в номер.

– Понимаю, – тихо выдохнул Неторопкин упавшим голосом. Прощения он больше не просил.

– Да ничего вы не понимаете, – главный неожиданно почувствовал злость, – хорошая у вас рукопись. Просто отличная! Но поставить не могу. Площадей не хватает, а выкинуть кого-то не получится.

– Что вы! Зачем же выкидывать?

Не надо из-за меня... – испугался Неторопкин и покраснел, – я ничего такого в виду не имел! Такие уважаемые авторы...

– При чём тут уважаемые или нет! – ещё сильнее закипая, перебил Дубов, – просто... обстоятельства. У одной юбилей, у другого знакомства, у третьего психика. Не подкопаешься.

– Понимаю, – снова сказал Неторопкин.

– В общем, Михаил... – Дубов снова затормозил, нетерпеливо прищёлкнув пальцами.

– Можно просто Михаил, – Неторопкин устал ждать, когда редактор запомнит его отчество.

– Вы же взрослый человек. Всё понимаете. Если бы я один решал, тогда дело другое. – Дубов поймал себя на мысли, что оправдывается, как школьник. Это выводило из себя: кто он такой, этот Неторопкин?! Но не оправдываться тоже не мог. – Короче говоря, знаете, в какой стране живёте. И потом, вы поздно обратились, – подвёл черту главред.

Неторопкин грустно кивнул и стал подниматься со стула. Олег Васильевич протестующе замахал руками, усаживая его на место.

– В следующий номер ваш рассказ точно пойдёт! Мы выходим через три месяца и... – Дубов осёкся и недоговорил. Вспомнил, что апрельский номер целиком и полностью заказной, посвящённый сорокалетию их городка. Юбилей незначительный, такие даты люди-то не всегда отмечают, а уж городка... N-ск был рождён волевым решением партии: воздвигли завод-гигант, а рядом, как водится, пристроился населённый пункт, отмеченный на карте России даже не кружочком, а крошечной точкой.

Однако мелкомасштабный повод давал большие возможности. На празднование выделялись деньги, и эти средства нужно было «освоить». Что же касается непосредственно «Лиры», то, при имеющемся небогатом финансировании, Дубов просто не имел права не

воспользоваться открывшейся возможностью заработать на проплаченных статьях. Дыр в бюджете журнала столько, что главред не отказался бы праздновать юбилей ежегодно.

Всё это означало, что «Птичьей стае» и её автору снова не повезло.

– Нет, в следующий тоже не получится. Будет день города, и... – Олег Васильевич поморщился, снял очки и сердито отшвырнул в сторону. Перед глазами немедленно расплылось, Неторопкин превратился в бесплотную серую тень. Дубов нашарил на столе очки и снова водрузил на переносицу. Мир обрёл привычную яркость и чёткость линий.

– Ладно, я пойду, пожалуй, – то скливо вздохнул Неторопкин.

– Через полгода точно поставлю. Читайте, вы уже в номере! – торжественно провозгласил главред. Но сам, если честно, слабо в это верил. Шесть месяцев – долгий срок. Опять может выплыть какой-то юбилей. Или кто-то скончается. Неторопкин, похоже, тоже всё отлично понимал. Плечи его поникли, он изо всех сил старался скрыть разочарование. Скомкано попрощался, взял, не спрашивая разрешения, свою рукопись с редакторского стола и двинулся к двери.

– Михаил, – тихо позвал Олег Васильевич, – скажите, а кто вы по профессии?

– Инженер. Вы мне сейчас посоветуете заниматься непосредственными обязанностями? – неожиданно ершисто отозвался Неторопкин. – Не лезть в литературу?

– Вообще нет, – устало возразил главред, – вам обязательно нужно в неё лезть. Это ваше место. Только «Лира» и литература – это разные вещи. Много вы написали?

– Три повести и десятка два рассказов. Ещё есть пьеса, – слегка растерявшись, ответил Неторопкин.

– Если они так же хороши, как «Птичья стая», вы обязательно пробьётесь. Я вам точно говорю.

– Спасибо, – смущённо пробормотал Неторопкин.

Спустя пять минут он летел по коридору, окрылённый, сжимая в руке бумажку с телефонным номером. У Дубова имелись какие-никакие связи в столице. А главред стоял у окна и задумчиво смотрел на тёмную улицу. Видел, как открылась дверь, и Неторопкин, споткнувшись, выбежал из флигеля и чуть не вприпрыжку помчался к воротам школы, смешно вскидывая ноги. Пусть хоть его мечта сбудется.

Зазвонил телефон. Олег Васильевич машинально снял трубку. На проводе была Дарина Барская. Интересовалась, можно ли в этот раз взять побольше бесплатных авторских экземпляров журнала. У неё же всё-таки юбилей!